

ветственности по ст. 174 УК. Следует отметить, что средства уголовного принуждения к родителям, уклоняющимся от исполнения обязанностей по обеспечению достойного существования своих детей, применяются достаточно часто. Только за 2009 г. по ст. 174 УК были осуждены 6801 человек. Однако изучение практики применения норм, предусмотренных данной статьей, позволяет констатировать, что неудачная (даже несмотря на последние изменения) редакция и отсутствие единообразия в толковании нормы ч. 2 ст. 174 УК в ряде случаев предоставляет нерадивым родителям возможность избежать за служенной уголовной ответственности.

В первую очередь это связано с тем, что состав, предусмотренный в ч. 2 ст. 174 УК, имеет материальную конструкцию. В качестве вредных последствий предусмотрены неисполнение или неполное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

Поэтому суды, установив, что заработная плата виновного не позволяла ему исполнить указанные ежемесячные обязательства в полном объеме, делают вывод об отсутствии в содеянном состава преступления даже в тех случаях, когда имело место одно из указанных в норме преступных деяний, например неявка на работу 10 и более рабочих дней в течение трех месяцев. Аналогичное решение принимается и в тех случаях, когда ежемесячные обязательства по возмещению расходов, затраченных государством на содержание детей, были в порядке солидарной ответственности исполнены вторым родителем.

Представляется, что суды, принимая указанное решение, не учитывают направленность умысла виновного, осознание им реальной возможности причинить вредные последствия в результате своего преступного бездействия либо усугубить их. По нашему мнению, такие действия должны квалифицироваться со ссылкой на ч. 1 ст. 14 УК как покушение на преступление.

Однако наилучшим решением нам видится исключение указания на вредные последствия из текста ч. 2 ст. 174 УК. Представляется, что перечисленные в обсуждаемой норме виды уклонения родителей от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (неявка на работу 10 и более рабочих дней в течение трех месяцев, либо сокрытие или занижение виновным размера заработной платы и приравненных к ней доходов, либо уклонение от трудоустройства по судебному постановлению, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение) сами по себе обладают достаточно высокой степенью общественной опасности и могут составлять основание для уголовной ответственности виновного.

Вторая проблема, возникающая при решении вопроса о применении нормы ч. 2 ст. 174 УК, видится нам в ограниченном толковании признаков данного преступления. Суды принимают решение об отсутствии состава преступления в случаях, когда лица, совершившие перечисленные выше виды преступного бездействия, уклоняются от возмещения задолженности по обязательствам, образовавшимся в период нахождения их детей на государственном обеспечении (т. е. после возвращения детей в семью).

Согласно п. 9 упомянутого выше декрета обязанность по возмещению расходов по содержанию детей прекращается лишь после полного их погашения. Соответственно, уклонение от этой обязанности вплоть до ее полного исполнения должно влечь уголовную ответственность. Представляется, что местонахождение детей при совершении преступного деяния никоим образом не уменьшает общественную опасность содеянного, напротив – при совершении его уже после возвращения детей в семью свидетельствует о стойкости антиобщественных взглядов виновного.

В связи с этим желательным также представляется заменить в норме словосочетание «находящихся на государственном обеспечении» на «в период их нахождения на государственном обеспечении».

При применении нормы ч. 1 ст. 174 УК отсутствует единообразный подход к правовой оценке частичного уклонения обязанного лица от уплаты по алиментным обязательствам. С учетом того, что в ч. 2 ст. 174 УК неполное исполнение обязательств особо выделено в качестве отдельного последствия, при толковании ч. 1 ст. 174 УК можно сделать вывод о том, что уголовную ответственность по указанной части должна влечь лишь полная неуплата средств на содержание детей. Это, конечно же, не способствует интересам защиты имущественных прав детей и является еще одним аргументом в пользу исключения вредных последствий из числа признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 174 УК. По нашему мнению, уклонение родителей от уплаты средств на содержание детей образуется при их неуплате как в полном объеме, так и при частичной неуплате. Исключения составляют лишь случаи, когда сумма средств, которые не были уплачены, может свидетельствовать о малозначительности деяния.

Таким образом, для обеспечения более полной защиты интересов нормального развития несовершеннолетних, в частности их права на достойное материальное обеспечение, необходимы как изменение подходов к толкованию норм ст. 174 УК, так и совершенствование законодательной конструкции указанных норм.

УДК 343.234.5

Р.А. Серeda

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ С ПОТЕРПЕВШИМ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ И КОНКУРЕНЦИИ

Одной из новелл действующего Уголовного кодекса является норма, закрепляющая возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Данное нововведение было призвано усилить роль потерпевшего в разрешении уголовно-правовых конфликтов и обеспечить более полное восстановление его прав и интересов, нарушенных преступлением.

Однако на сегодняшний день мы сталкиваемся с ситуацией, когда имеется два параллельных института по учету примирения в уголовно-правовых отношениях: процессуальное примирение по делам частного обвинения, регулируемое ст. 26 УПК, и материальное примирение, регулируемое ст. 89 УК и 30 УПК. Несмотря на то что по общей теории права процессуальная отрасль должна соответствовать своему материальному истоку, на сегодняшний день между этими институтами имеются серьезные различия и противоречия.

Систему отличий между материальным и процессуальным примирением в Российской Федерации четко сформулировал Х. Аликперов. Опираясь на данную систему, применительно к национальному уголовному и уголовно-процессуальному законодательству эти институты можно разграничить по следующим критериям:

1. По кругу составов преступлений. Процессуальное примирение касается весьма узкой категории дел частного обвинения, насчитывающей 16 составов преступлений. Материальное примирение допускается по более широкой группе преступлений, как не представляющих большой общественной опасности, так и менее тяжких.

2. По степени императивности. Примирение, регламентируемое ст. 89 УК и 30 УПК, предполагает необязательность освобождения от уголовной ответственности даже при выполнении всех предусмотренных законом условий. У правоприменителя есть право, но не обязанность такого освобождения. Процессуальное примирение четко предписывает обязанность компетентных органов прекратить уголовное преследование при достижении примирения.

3. По условиям. Ст. 89 УК предусматривает определенные требования как к личности обвиняемого, так и к его действиям: совершение преступления впервые, достижение примирения с потерпевшим, заглаживание причиненного вреда. По делам частного обвинения необходимо только одно условие – достижение примирения. Ни прошлые судимости, ни характеристика личности обвиняемого, ни степень возмещенности вреда значения не имеют.

4. По субъектам примирения. Буквальное толкование ст. 89 указывает, что субъектами примирения выступают обвиняемый и потерпевший. Ст. 26 УПК в качестве субъектов примирения указывает обвиняемого и пострадавшего от преступления, его законного представителя или представителя юридического лица.

5. По органам, принимающим решение. Освобождение от уголовной ответственности в порядке ст. 89 УК и 30 УПК допускается только прокурором или судом. По делам частного обвинения уголовное преследование может быть прекращено и на стадии предварительного расследования следователем или дознавателем.

Таким образом, по всем критериям, кроме первого, процессуальный институт примирения шире аналогичного института материального уголовного права и предусматривает более сильную роль потерпевшего в решении вопроса о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности.

Помимо этого имеются некоторые противоречия между ст. 89 УК и ст. 26 УПК. Так, ч. 4 ст. 26 УПК закрепляет перечень дел частного-публичного обвинения и указывает, что производство по ним за примирением с обвиняемым прекращению не подлежит. Однако все из них (за исключением ст. 166 и 167 УК) являются преступлениями, не представляющими большой общественной опасности или менее тяжкими, по которым допускается примирение в порядке ст. 89 УК и 30 УПК.

Далее ч. 6 ст. 26 УПК предоставляет право прокурору в любой момент вступить в судебное разбирательство по делам частного обвинения и поддерживать обвинение в суде, если этого требует защита прав граждан, государственных или общественных интересов. В этом случае производство по уголовному делу за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым в ходе судебного разбирательства прекращению не подлежит. На каком основании прокурор наделен такими полномочиями, если ни ст. 89 УК, ни регламентирующая ее ст. 30 УПК ничего об этом не упоминают?

Налицо конкуренция между материальным и процессуальным правом. Какие нормы следует применять? Представляется, что материальное право первично и является источником для процессуального, поскольку последнее лишь регламентирует порядок реализации материальных норм. Следовательно, нормы материального права имеют приоритет перед процессуальным и провозглашенный статьями УК порядок освобождения от уголовной ответственности за примирением с потерпевшим распространяется и на дела частного-публичного обвинения, в том числе и возбужденные прокурором. Таким образом, при возникшей конкуренции мы должны руководствоваться нормами УК.

Такой позиции также придерживается и В. Степанов, который, анализируя российское законодательство, отмечает, что факт возбуждения уголовного дела прокурором по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 115, 116, 129 (ч. 1), 130 УК РФ, препятствует его прекращению лишь в порядке ч. 3 ст. 27 УПК РСФСР и не может иметь какого-либо правового значения при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего указанные преступления, по основаниям, изложенным в ст. 76 УК РФ и ст. 9 УПК РСФСР.

Однако, как показало социологическое исследование, не все правоприменители оценивают ситуацию подобным образом. 34 % опрошенных респондентов (41 % из числа опрошенных судей и 32 % из числа опрошенных работников прокуратуры) указали, что по делам частного-публичного обвинения освобождение от уголовной ответственности невозможно. В научной среде также можно встретить аналогичное мнение. В частности, А.А. Бержанин, рассматривая особенности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением в порядке ст. 89 УК, отмечает, что ч. 4 ст. 26 УПК предусмотрен широкий перечень статей, по которым не допускается освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Для разрешения указанных противоречий представляется целесообразным предусмотреть в ст. 26 УПК оговорки, предусматривающие возможность применения ст. 89 УК в указанных случаях. В частности, предлагаем ч. 4 и ч. 6 ст. 26 УПК дополнить словами «за исключением случаев, предусмотренных ст. 89 УК Республики Беларусь и 30 настоящего Кодекса».

УДК 342.2

А.С. Скобля

КОМПЛЕКС МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ РЕЦЕДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Криминогенная ситуация в I квартале 2010 г. характеризовалась дальнейшим снижением степени тяжести последствий и общественной опасности совершаемых уголовно наказуемых деяний, в первую очередь, против жизни и здоровья граждан, а также их особо тяжких и тяжких видов.

Вместе с тем остается сложной ситуация с рецидивной преступностью. Количество уголовно наказуемых деяний, совершенных данной категорией лиц, увеличилось на 28,5 %. Наряду с этим возрос на 8,8 % (с 40,1 до 48,9 %) удельный вес преступлений, совершенных ранее судимыми лицами. Более чем на четверть (26,6 %) увеличилось количество ранее судимых лиц, совершающих преступления. Лицами, имеющими судимость, больше совершено убийств с покушениями (на 11,6 %) умышленных причинений тяжких телесных повреждений (на 18,7 %). Схожая тенденция наблюдается и в области корыстных и насильственно корыстных преступлений.

ОВД выделяют основные причины, послужившие росту рецидивной преступности. Указывают на недостаточную организацию исправительного процесса и профилактического воздействия, осуществляемого территориальными ОВД и другими субъектами профилактики правонарушений в отношении лиц, имеющих судимость; неэффективное использование